

5

45 АВГ 1958

Горький

Газета №

Письмо Шалапина

ПОЛВЕКА НАЗАД — в 1908 году — французская газета «Матен» обратилась к Ф. И. Шалапину с просьбой написать о цветах его родины. Великий артист ответил письмом, в котором писал не о розах, а о людях. Письмо это было переведено русскими газетами «Голос Москвы» и «Судоходец».

В июле 1949 г. (я тогда работал над книгой о выдающемся нижегородце В. И. Калашникове) Ф. П. Хитровский много рассказывал мне подробно о взаимоотношениях А. М. Горького и Ф. И. Шалапина. Он подарил мне номер газеты «Судоходец» (1908 г., № 214), редактором которой он был. В этом номере и помещен этот перевод письма Шалапина, напечатанного в газете «Матен».

Приводим это забытое письмо:

«Если бы я мог писать по-русски, а не на французском языке, я сумел бы сказать Вам, что такие цветы моей родины. Русская земля богата раздавленными заглохшими садами! Как она плодородна, сколько могла бы дать она прекрасных детей!

Чувствую, что мой гон покажется Вам чересчур странным. Патриот, я люблю Россию, — не Россию кваса и самовара, а ту страну великого народа, тот огромный, плохо обработанный сад, в котором стоячим цветам так и не приходится распуститься. У меня перед глазами афиша «Бориса Годунова». На ней я читаю имя того самого Мусоргского, который в то время, когда он писал свою оперу, собирал гроши у бюрократов и умер в больнице. Были и другие цветы, были и всегда будут. Например, мой приятель Горький. Давно это было — в 1897 году. Я пел на Нижегородской ярмарке. Горький пришел ко

мне в уборную. Мы не были тогда знакомы. Он спросил меня, правда ли, что я также из «нашего брата Исаакья?» Так называют в России бродяжническую братию. Я сказал, что да. Разговорившись, мы узнали, что когда-то работали бок-о-бок: в Саратове, где мы грузили баржи; в Казани, где я был башмачником, а он пекарем; припомнили кулачный бой с татарами на льду. Обнялись мы тут с ним, расплевались.

Теперь, вспоминая все это, не дальше, как вчера, на Капри, Горький смотрит на меня и говорит: «Смешно все это, почти баснословно». А вот и другое трогательное воспоминание. Шесть лет назад в Нижнем Горький ночевал у меня в номере. Просыпаюсь и вижу его у окна, в ночной рубашке. Он поднял занавеску и смотрит на дремлющий еще город. Солнце освещает главы церквей, реку и крыши домов. Я ему: «Как, ты уже проснулся?». А он: «Поди сюда на минуточку». Подхожу и вижу — у него слезы на глазах. Я сначала не понял, в чем дело. Он тогда говорит: «Смотри, что за красота. Никого нет. Вот оно, человечество, сотворившее богов и законы: лежит на земле под небом, а солнце, как «несмысленный ребенок», играет на том, что сделали люди». Он очень кроток, Горький. Но тогда я подумал, как он чист, как он честен, как безусловно честен. И теперь при этом воспоминании мне стыдно потому, что я не так чист, как этот чистейший цветок моей родины. Это одна из лучших минут моей жизни».

Мне думается, читателям небезынтересно познакомиться с этим письмом великого артиста.

М. ШЕХТЕР.